

Красавец открыл рот, будто хотел возразить, но слов не нашёл. Улэйжо же кипел от ярости:

— Ты ведь и так меня презираешь! Зачем тогда со мной идёшь?

Они и сами не понимали, о чём спорят. Красавец злился, что его заставляют мараться и выглядеть уродливо; Улэйжо злился, что тот в глубине души презирает и его, и его отца. Приведя себя в порядок, Улэйжо взялся за красавца, но тот, увидев на его руках чёрную краску с примесью навоза, с отвращением отказался — более того, замахнулся кнутом. Кнут у него был новый — стабил запасной, что Улэйжо купил для погонщика, — и теперь в гневе он только им и размахивал.

Улэйжо окончательно вышел из себя:

— Не хочешь — не мажься. Но потом, когда не пропустят, не ной. Оставайся здесь, коров паси.

Красавец вспылил:

— Так и буду! Всё лучше, чем с тобой таскаться!

Вечные скитания, ночёвки где попало, да ещё и близости никакой — он с этим давно покончил бы.

Улэйжо взорвался:

— Сам же за мной пошёл!

Красавец, назло, бросил:

— Больше не пойду! С другим уйду!

У Улэйжо даже глаза налились кровью. А красавец меж тем принарядился: причёска гладкая, одежда чистая. Его «муж» ведёт себя как одержимый — каждый раз перед границей норовит превратить их в дикарей. А он не хочет быть дикарём! Он хочет быть красивым. Они ведь не воры, не грабители — чего бояться-то?

Улэйжо ничего не мог поделать — лишь ту же застегнул на красавце медвежью шубу и шапку. Живот у того уже большой; когда доберутся до Хунну, нужно будет найти пограничный отряд и устроить его по-человечески.

На усуньской заставе особенно придирчиво проверяли мужчин-хунну, опасаясь шпионов. Красавец, брезгливо усевшись в повозку, тронулся в путь, а Улэйжо по дороге долго и нудно объяснял, кто они такие: торговцы, едущие в Западный край, а зовут его Мао Ихань.

Красавец возмутился:

— Ты же называл меня Уцина!

Он немного знал язык хунну — всё-таки прожил там три года. Очнувшись после болезни, он позволил Улэйжо обмануть себя и называть «Мао Ихань», но теперь, когда голова прояснилась, пришёл в ярость:

— Чаган, как ты мог! Я — Уцина, а не Мао Ихань!

Улэйжо смутился и велел ему просто молчать. Красавец надулся и отвернулся.

На выезде с Улэйжо проблем не возникло — пропустили быстро. А вот с красавцем вышла заминка. Всадники долго разглядывали их документы, осмотрели повозку — и наконец махнули: проезжайте.

Красавец торжествующе ткнул в сторону «мужа»:

— Видишь? Ты просто паникуешь понапрасну.

— Чёрная свинья.

Недалеко от них всадник, сидевший в седле, резко обернулся. На голове у него была шапка с перьями — видимо, начальник.

Хулэ был почти взрослым; он перебрался сюда вслед за отцом и нёс службу на границе. Широко раскрыв глаза, он уставился на красавца у повозки — и узнал его мгновенно. Яньчжи был по-прежнему прекрасен, даже в неуклюжей медвежьей шубе; фигура его расплылась, казалось, он снова беременен — точь-в-точь как три года назад, при последней встрече.

Улэйжо Хулэ не опознал, но красавец врезался в память навсегда. Недолго думая, он пришпорил коня и подъехал к ним вплотную. Красавец смотрел на высокого, смуглого юношу на статном коне — лицо казалось и знакомым, и чужим одновременно. Хулэ похудел — должно быть, за годы походов с отцом, — вытянулся, исчезла былая пухлость, остались лишь угловатые линии.

Хулэ был взволнован и озадачен: как яньчжи оказался здесь? Он слышал, что три года назад того похитили ханьцы и вернули в ханьский дворец. Почему же он здесь? Красавец беспомощно посмотрел на Хулэ, а тот уже взмахнул рукой:

— Задержать их!

Застава мгновенно пришла в готовность; со всех сторон сбежались всадники. Улэйжо обдало холодным потом; брови его гневно сдвинулись. Хулэ всё ещё не узнавал его, но обратился к красавцу:

— Янь... Как ты здесь оказался?

Он запнулся — называть «яньчжи» теперь было неуместно, а другого обращения он не знал. Красавец испуганно взглянул на своего «мужа»; он не понимал, что происходит. Хулэ тоже перевёл взгляд на Улэйжо — и, увидев опухшее, грязное лицо, закричал:

— Взять его!

Улэйжо выхватил нож, пытаясь прорваться силой, — но его быстро скрутили и прижали к земле. Красавец в ужасе наблюдал за этим и завопил:

— Остановитесь! Не трогайте его!

Хулэ нахмурился:

— Кто он?

Красавец, потрясая кнутом, закричал в ответ:

— Отпусти! Это мой муж!

Хулэ, едва завидев кнут, инстинктивно отпрянул — хотя тот даже не взвился, — и рывкнул страже:

— Отберите у него кнут!

Красавца и Улэйжо схватили и разлучили. Улэйжо, как шпиона, заперли в каземат; красавца же отвели в палатку Хулэ.

Красавец так разозлился, что у него заболел живот. Хулэ только успел вызвать его для разговора — не проронив и двух слов, увидел, как тот оседает на пол, сжимая живот и стонет от боли.

Хулэ перепугался, бросился поднимать его:

— Янь... Эй, ты как?

Красавец ухватил его за ухо, выкрутил до багровой красноты и прошипел:

— Отпусти моего мужа! Отпусти Чагана!

Живот болел по-настоящему — малыш внутри колотился ногами. Хулэ же, с вывернутым ухом, чувствовал, как немеет половина головы; в панике он отскочил, прикрывая ухо ладонью. Яньчжи и впрямь не изменился — всё такой же бесцеремонный, всё так же лупит при первой возможности. Страх перед ним сидел в костях.

Красавец, не выпуская живот из рук, кричал сквозь слёзы:

— Чаган... Чаган... У-у-у...

Хулэ, видя его мертвенную бледность, растерялся и приказал немедля привести пленника. Едва Улэйжо втокнули внутрь, как он бросился на колени к красавцу, схватил его за руку, заговорил успокаивающе:

— Что случилось? Где болит?

Красавец простонал:

— Живот... Кажется, рожаю...

Ребёнок не унимался. Улэйжо, положив ладонь на вздыбленный живот, обернулся и заорал на Хулэ:

— Врача! Немедленно!!

Хулэ наблюдал за этой сценой с каким-то болезненным изумлением. Яньчжи, который всегда презирал его за уродство, смуглость и полноту, — и вот теперь связал жизнь с женщиной ещё уродливее, ещё смуглее, ещё толще. Ирония судьбы. Хулэ с отвращением посмотрел на Улэйжо — тот явно был недостоин яньчжи, — но всё же распорядился позвать лекаря.

Красавца уложили на кровать, покрытую собольими шкурами. Лекарь — тоже ханец, угнанный когда-то, — жил здесь уже много лет. Осмотрев больного, он нахмурился:

— Матушка пережила испуг. Есть угроза выкидыша.

Улэйжо побелел. Седьмой месяц — слишком рано для родов; ранние роды опасны и для матери, и для ребёнка. Он закричал:

— Сохраняй ребёнка! Быстрее, что-нибудь сделай!

Лекарь поспешил приготовить снадобье. Улэйжо не отходил от постели ни на шаг, красавец же сжимал его руку так крепко, словно боялся отпустить. Со стороны они выглядели образцовой супружеской парой. Хулэ смотрел на них с неприязненной гримасой: не понимал, что яньчжи нашёл в этом человеке. Раньше тот воротил нос даже от Ивэйсе-шаньюя — а теперь связался с кем-то ещё безобразнее. Прямо как свежий капустный лист, отданный на съедение свинье.

Улэйжо просидел у изголовья целый день; лекарь приготовил отвар, напоил красавца, снова пощупал пульс. Сказал: матушка на сносях, да ещё и потрясение перенесла — двигаться нельзя, только покой, вплоть до самых родов.

Улэйжо почувствовал, что небеса ополчились против него. Хулэ же всё это время хмуро наблюдал за парой. К яньчжи у него не было злобы — но его «мужа» он ненавидел всей душой. Лицо того распухло, как у чёрной свиньи, — в тысячу раз безобразнее, чем у Ивэйсе. Как яньчжи мог допускать такую близость?

Хулэ махнул рукой:

— Оставайтесь здесь, пока не разрешитесь.

Но Улэйжо всё же увели отдельно — Хулэ намеревался допросить его лично.

Хулэ сидел за столом, разглядывая связанного пленника, которого стража поставила на колени. Лицо его искривилось от брезгливости:

— Как яньчжи угораздило выйти за такого уродца?

Мужчина молча опустил голову, избегая взгляда. Хулэ смотрел на него несколько мгновений — и вдруг что-то мелькнуло в памяти. Голос его стал ледяным:

— Подними голову.

Улэйжо медленно поднял лицо — и уставился на Хулэ мрачным, недобрим взглядом.

Хулэ встретил этот взгляд — и после долгой паузы бросил страже:

— Выйдите все.

<http://bllate.org/book/16253/1462109>